

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В СОВЕТСКОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЕ

И. С. Выходцева

Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова

Поступила в редакцию 20 февраля 2014 г.

Аннотация: в статье рассматривается функционирование концепта «свой-чужой» в советской словесной культуре. Филологическое описание советской концептосферы имеет не только историко-лингвистическое значение, оно необходимо для адекватного изучения современной речевой практики.

Ключевые слова: советская словесная культура, концепт, лингвокогнитивный анализ.

Abstract: the article discusses functioning of the concept «Self vs. the Other» in the Soviet verbal culture. A philological description of the Soviet conceptual sphere has historical and linguistic value. In addition, it is needed for an adequate description of contemporary discourse practices.

Key words: Soviet verbal culture, concept, linguistic cognitive analysis.

В последние десятилетия отечественная и мировая лингвистика обратила особое внимание на проблемы, связанные с познанием, что дало импульс развитию когнитивной лингвистики, основной целью которой является понимание, изучение и описание концептосферы человека и культуры.

Советская словесная культура, несмотря на имеющиеся исследования, изучена недостаточно. Ее семантическая основа – концептосфера – исследована фрагментарно и бессистемно. В то же время филологическое описание советской концептосферы имеет не только историко-лингвистическое значение, оно необходимо для адекватного изучения современной речевой практики.

Советская культура принципиально гетерогенна: она формировалась и существовала в «единстве и борьбе» двух культурно-исторических нормативов, двух культурных моделей [1]. Впервые это показал В. З. Паперный [2], описав и проанализировав обще-семиотические различия между этими культурными моделями, но материал его работы – архитектура, языковые и речевые явления – не входил в предмет его анализа (хотя нередко и отмечались).

Сам факт дискурсивной гетерогенности советской словесной политической культуры на примере политического дискурса был отмечен П. Серио [3]. В его работах «показано, что Другой всегда присутствует в этом дискурсе благодаря риторике, направленной на имплицитное опровержение его слов» [3, с. 388]. П. Серио, исследуя советский текстовый материал, опроверг мнение о «монолитности», однородности советской культуры и языка, продемонстрировал их противоречивость и диалогичность [4].

Две указанные культурные модели обычно связываются соответственно с 20-ми и с 30-ми гг. Временное деление довольно условно, на что обратил внимание и В. З. Паперный: «Культура 2 (как и Культура 1) – это искусственная конструкция, поэтому я заранее отвергаю все возражения типа: «В 1930-е годы происходило еще и другое». В 1930–40-е годы действительно происходило много такого, чего нет в понятии К2. Более того, я уверен, что 1920-е и 1930-е годы отнюдь не были в действительности так противопоставлены друг другу, как это может показаться, если отождествить Культуру 1 с 20-ми годами, а Культуру 2 – с 30–50-ми» [2].

Советская культура – это массовая культура, которая в XX в. получила реализацию в массовой коммуникации и стала доминировать во всей системе культуры, оттеснив на периферию народный и элитарный ее тип. Массовая культура вторична по отношению к народной и элитарной культуре. Поэтому советская массовая культура представляет собой определенное сочетание народной и элитарной культурных моделей. А в своем развитии советская культура – «единство и борьба» элитарной модели (Культура 1) и модели собственно массовой, опирающейся на народный тип (Культура 2) [5, с. 115–117].

В центре настоящей работы – концепт «свой-чужой» в советской словесной культуре, поэтому одно из базовых понятий нашего исследования – понятие «концепт».

К настоящему времени единая теория концепта языковедами не разработана. Интенсивные исследования, развернувшиеся в области когнитивной лингвистики, демонстрируют большое разнообразие в понимании самого термина «концепт».

С. А. Аскольдов (Алексеев), первый из отечественных ученых обратившихся к изучению феномена концепта, говоря о составляющих его природы, давал следующую интерпретацию: «Концепт – мгновенное и трудноуловимое мелькание «чего-то» в сознании, это почки сложнейших соцветий мыслительных конкретностей» [6]. Исследователь при разработке теории концепта обратил внимание на функциональную сторону данного явления. Основной функцией концепта он считал функцию замещения различных представлений (предметов) в процессе мышления.

Д. С. Лихачев в работе «Концептосфера русского языка» [7] идет вслед за Аскольдовым в понимании сущности концепта. Он предлагает считать концепт «алгебраическим» выражением значения, которым мы оперируем в своей письменной или устной речи. Заместительная функция концепта облегчает языковое общение в том, что оно позволяет при языковом общении преодолевать несущественные, но всегда существующие между общающимися различия в понимании слов и их толкований. Различные аспекты этой проблемы представлены в работах отечественных и зарубежных исследователей.

В данной работе будем опираться на определение концепта, сформулированное Ю. С. Степановым, так как, во-первых, он специально анализировал концепт «свой-чужой», а, во-вторых, его концепция адекватно описывает наш материал: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [8]. Это определение характеризует концепт как основную ячейку культуры в ментальном мире человека, оно связано не только с чисто лингвистическим, но и с культурным аспектом исследования.

В советской словесной культуре оппозиция «свой-чужой» носит универсальный характер, так как в основе всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения лежат механизмы тождества и различия *своего* и *чужого*. Отдельные аспекты данной проблемы представлены в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. В словаре Ю. С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» [8] этому концепту посвящена отдельная словарная статья, которая построена по следующему плану: общее (культурологическое) введение; происхождение и эволюция противопоставления; его предыстория, по данным языка; его проявления в культурных, т.е. внеэтнических, сообществах людей [8, с. 472]. Этимологии и анализу концепта в индоевропейской культуре посвящена работа Э. Бенвениста [9]. Эта оппозиция была охарактеризована ученым в рамках противопоставления «свободный человек –

раб, чужой, чужеземец». Главное положение, установленное Э. Бенвенистом на материале анализа индоевропейских слов, заключается в том, что понятие «свой» первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно осознает себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим» – «чужим, врагам, рабам» [9]. Таким образом, понятия «свой» и «свободный человек» исконно связаны. Это прямо отражает связь соответствующих корней в русском языке.

О характерных особенностях концепта в древнерусской литературе рассуждает в своей работе «Мир человека в слове Древней Руси» В. В. Колесов [10]; Б. Пеньковский в статье «О семантической категории чуждости» [11] выдвигает гипотезу об отраженности данного семантического принципа в системе языка; Т. В. Резанова в статье «“Свое” и “чужое” в сказочной поэме П. П. Ершова “Конек-горбунок”» [12] и О. Йокояма в работе «“Свой” и “чужие”»: межкультурная коммуникация и этнические стереотипы в чеховской России» [13] на примере художественной литературы XIX–XX вв. отмечают нейтрализацию, утрату резкой контрастности и одномерности в данной оппозиции.

Выявление специфики концепта «свой-чужой» в советской словесной культуре возможно прежде всего на фоне досоветской реализации этой оппозиции в русской народной и элитарной культурах. Семантическая база концепта в советской культуре изменилась. Это связано прежде всего со сменой культурных моделей, а во-вторых, с идеологической направленностью массовой культуры. Таким образом, концепт «свой-чужой» в советской культуре получает другое идеологическое содержание.

Необходимо отметить преэминентность культурных моделей. Безусловно, из народной и элитарной культур в советскую культуру перешли главные семантические составляющие концепта, где они идеологически трансформировались.

Проследим основные семантические трансформации, связанные с концептом «свой-чужой» в советской словесной культуре.

Материалом для нашего исследования послужила нехудожественная и художественная словесность 20–30-х гг. (газета «Правда», художественные тексты В. Маяковского, М. Шолохова, Д. Фурманова, Н. Островского и др.). При анализе словесности методом сплошной выборки было отобрано 9954 словоупотребления, из которых 70 % лексем с семантикой «свой» и 30 % – «чужой».

Так, в народной и элитарной культурах категория «свой» представлена четырьмя тематическими группами: «семья и род», «земля, дом, имущество»,

«близкие отношения или совместная деятельность», «внешний и внутренний мир человека». Категория *чужой* в народной культуре представлена двумя тематическими группами: «не нашей земли, иноземный» и «не свой, принадлежащий другим». В элитарной культуре происходит расширение этой категории, и в ней мы выделяем еще одну тематическую группу «чуждый, лишенный свойства».

В советской словесной культуре мы можем обозначить все указанные тематические группы в составе концепта «*свой-чужой*» и проследить их трансформацию.

Для категории «*свой*» в народной и элитарной культурах тематическая группа «семья и род» была одной из самых значимых. Достаточно важной она оставалась и для советской культуры. Семья – основная ячейка советского общества, где царят любовь и взаимопонимание: «*И когда в дверь просунулся засыпанный снегом, узнала она родное лицо сына, схватилась руками за сердце, не могла говорить от радости неизмеримой*» [14]; или «*И братец с вами у меня... родной... заодно воюет... Тоже в Красной Армии состоит*» [15]. Хотя более важным для советского человека стало родство не по крови, а по духу: «*Братья, товарищи! – снова скажем Есть еще враг, еще он грозит нам. Будем же бдительны, будем на страже, Будем готовы к последним битвам*» [16].

Показателен следующий факт. В декабре 1935 г. в Москве проходила встреча передовых комбайнеров с партийным руководством, на которой один из выступавших, молодой комбайнер сказал: «*Хотя я и сын кулака, но я буду честно бороться за дело рабочих и крестьян и за построение социализма*». В ответ Сталин бросил реплику: «*Сын за отца не отвечает*». Эта фраза вождя стала своеобразным лозунгом нового поколения. Вот отрывок из письма М. Горькому: «*Тов. Горький! Мы – дети, окончившие семилетку, мечтаем попасть в профшколы... но, увы, мы – дети бывших людей и нам двери закрыты везде и всюду, потому что нас зачал, родил чуждый элемент для Советской власти*». Это письмо было написано в 1929 г. Тогда в стране полным ходом шла кампания против так называемых детей социально-чуждых элементов. В газетах появилась рубрика «Отрекаемся от своих отцов». И отрекались, и публично каялись в своем «неправильном» происхождении [17, с. 54].

Родные братья могли стать злейшими врагами, отец был готов убить своего сына, мать – проклясть своих детей, если члены семьи были по разные стороны гражданской войны: «*Я, мамаша, как офицер и верный сын тихого Дона, не должен ни с какими родственными связями считаться. Хоть отец, хоть брат родной – все равно передам суду...*» [18, с. 105]. А люди, чьи идеологические взгляды совпа-

дали, относились друг к другу, как родные: «*Это была семья, родной полк: тут люди знали друг друга десятки лет, часто были давними товарищами, многих связывали и родственные отношения*» [15]. В стране был один для всех вождь – отец, родина – мать, братьями и сестрами называли друг друга единомышленники по партии в борьбе с общим врагом: «*Родимый друг и отец, наш учитель и вождь, товарищ Сталин*» [19]; «*Земля, земля – родная мать! Поговори с любимым сыном...*» [20]. Таким образом, семейно-родовые отношения в советской словесной культуре трансформируются: теперь они строятся на родстве духа, а не крови. Например, в стихотворении С. Смирнова «*Всем товарищам Смирновым*» автор обращается и к родным и к неродным по крови, но родным по духу товарищам: «*Не говоря о тезках новых, В родной деревне у меня Живет четырнадцать Смирновых, Моя родня и не родня*» [21].

В тематической группе «земля, дом, имущество», несомненно, значимой для советской словесной культуры, можно отметить следующие семантические изменения. Здесь характерна трансформация «своего» в «наше», «общее», по принципу известной поговорки «*Все вокруг колхозное, все вокруг мое*». Например, в поэме «Хорошо» В. Маяковского: «*В нашем вагоне, на нашем пути, наши грузим дрова... Нашим товарищам наши дрова нужны: товарищи мерзнут*» [22, с. 287]; или в стихотворении Д. Бедного: «*Свои заводы мы откроем, Свои запашем мы поля. Свои богатства мы умножим И возрастим свои плоды, У общих фабрик горы сложим Из торфа, угля и руды*» [21].

В тематической группе «близкие отношения и совместная деятельность» мы отмечаем следующие семантические сдвиги. «Свои», товарищи, единомышленники, люди, объединенные общим делом, в советской культуре за достаточно короткий срок могли стать «чужими», «врагами народа». Разоблачать и уничтожать классового врага, маскирующегося среди «своих», одна из основных задач партии: «*Еще нам нужно присмотреть здесь на месте в своем районе и в своем производстве среди своих людей не мало ли у нас еще есть врагов, вот например у нас в Лесославском районе есть спец – Беренбаум, который только деньги советские получает, а ничего не делает, кроме того, он на членов партии смотрит как на зверей*» [22, с. 62].

Последняя группа в категории «*свой*» «внешний и внутренний мир человека» в советской словесной культуре практически не изменилась, так как идеологически затронуть эту тему достаточно сложно. Можно лишь отметить такие случаи влияния идеологии на внешность человека, когда по одному взгляду на деталь одежды советские люди узнавали «своего»

человека. К таким атрибутам советского времени можно отнести октябрятскую звездочку, комсомольский значок, пионерский галстук, медали и т.д. Например, пионерский галстук – символ принадлежности к пионерской организации и к массе «своих». Три конца галстука символизировали нерушимую связь трех поколений: коммунистов, комсомольцев и пионеров. В довоенные годы концы пионерского галстука не завязывались, а скреплялись специальным значком-зажимом с символичным изображением костра: пять горящих поленьев означали пять континентов, а три язычка пламени – Коминтерн. В стихотворении С. Щипачева четко обозначены роль и значение небольшой детали одежды для советских детей и всего советского общества: «Как повяжешь **галстук**, Береги его: Он ведь с красным знаменем Цвета одного. А под этим знаменем В бой идут бойцы... **Пионерский галстук Нет его родней! Он от юной крови Стал еще красней**» [20].

В категории «чужой» в советской культуре по своему значению на первое место выходит тематическая группа «не свой, принадлежащий другим». Если в народной и элитарной культурах с большим численным преимуществом мы выделяли группу «не нашей земли, иноземный», то в советской культуре акценты смещаются. Внешние враги по-прежнему опасны, но намного важнее внутренние враги, именно с ними ведется основная борьба: «**Взбесившиеся собаки, трижды проклятая банда убийц, направляемая рукой агента Гестапо – Троцкого, хотели лишить советский народ самого лучшего, самого дорогого. Предатели родины, враги народа, не имеющие никакой опоры среди трудящихся, поставили ставку на террор, на чужую интервенцию, чтобы при помощи фашистских штыков пробраться к власти, эта обнаглевшая свора псов окончательно скатившаяся к белогвардейщине, к международной контрреволюции. Это враги – подлые Псы фашизма, изменники социалистической родины – они потеряли всякий человеческий облик, они нам чужие, у них ничего не осталось кроме звериной ненависти к народу**» [22, с. 65].

Таким образом, в советской словесной культуре семантика концепта «свой-чужой» трансформируется: разделение на «своих» и «чужих» пропитывается и наполняется идеологическим содержанием. Среди «своих» маскируются «чужие»: и в родной семье, и среди близких друзей и однопартийцев. Среди «чужих» опаснее и сильнее внутренние враги, бывшие «свои». Это новое идеологическое содержание делает анализируемый концепт центральным, базовым в советской концептосфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романенко А. П. Советская словесная культура : отечественная история ее изучения / А. П. Романенко // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 118–140.
2. Паперный В. З. Культура «Два» / В. З. Паперный. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 384 с.
3. Серюи П. Русский язык и анализ советского политического дискурса : анализ номинализаций / П. Серюи // Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 1999. – С. 12–53.
4. Романенко А. П. Советская словесная культура : Образ ритора / А. П. Романенко. – Саратов, 2000. – 212 с.
5. Романенко А. П. Русский литературный язык XX в. как культурный феномен / А. П. Романенко // Язык и общество в синхронии и диахронии. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2005. – С. 115–121.
6. Аскольдов (Алексеев) С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов (Алексеев) // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
7. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 280–287.
8. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 1997.
9. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс-Культура, 1995. – 456 с.
10. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 311 с.
11. Пеньковский Б. О семантической категории чуждости / Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики, 1985–1987. – М. : Наука, 1989. – С. 126–167.
12. Резанова Т. В. «Свое» и «чужое» в сказочной поэме П. П. Ершова «Конек-горбунок» / Т. В. Резанова // «Свое» и «чужое» в культуре народов европейского Севера : материалы 4-й Междунар. науч. конф. / отв. ред. В. М. Пивоев ; Петрозавод. ун-т. – Петрозаводск, 2003. – С. 130–132.
13. Йокояма О. «Свои» и «чужие» : межкультурная коммуникация и этнические стереотипы в чеховской России / О. Йокояма // Лингвокультурологические проблемы толерантности : тез. докл. Междунар. науч. конф. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 61–63.

ИСТОЧНИКИ

14. Островский Н. А. Как закалялась сталь / Н. А. Островский. – М., 1975.
15. Фурманов Д. А. Чапаев / Д. А. Фурманов. – Пермь, 1970.

16. Лирика 20-х гг. (1917–1929) / В. Вакуленко (сост.). – М., 1976. – 656 с.

17. История и современность : научно-теоретический журнал. – М., 2006.

18. *Шолохов М. А.* Из ранних рассказов / М. А. Шолохов. – М. : Современник, 1987. – 188 с.

19. Газета «Правда» 1917–1940 гг.

20. Лирика 30-х гг. (1930–1940) / П. С. Выходцев (сост.). – Фрунзе, 1977.

21. *Маяковский В. В.* Избранные произведения : в 3 т. / В. В. Маяковский. – М. : Художественная литература, 1970.

22. Смоленский архив как “зеркало советской действительности” / вступ. статья и подготовка публикации Е. В. Кодина // Вопросы истории. – 2003. – № 9–12.

Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова

Выходцева И. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи

E-mail: amoskvin81@mail.ru

Тел.: 8-917-202-22-86

Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov

Vykhodtseva I. S., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Speech Culture Department

E-mail: amoskvin81@mail.ru

Tel.: 8-917-202-22-86